

Кризис демократии в эпоху глобализации

Перевод с английского языка Дьячковой О.Н.

Luigi Ferrajoli. The crisis of democracy in the era of globalization // Law and justice in a global society. Granada. Espana. 2005. С. 53–59.

1. Предпосылка

Как только закончилось разделение мира на блоки после падения Советского режима пятнадцать лет назад, оказалось, что ничто не смогло противостоять восстановлению мира во всем мире и распространению и консолидации демократии на всей планете. Именно с этого момента, не ситуативный кризис, который влияет на оба уровня современного конституционализма, назревает в основных западных странах и в рамках международных отношений: с одной стороны, форма демократии, спроектированной строгими конституциями прошедшей поствоенной эпохи, с другой стороны, мирные проекты и гарантии прав человека, сформулированных в этом эмбрионе всемирной конституции, которая представляет Устав Объединенных Наций – ООН - и различные декларации и конвенции о правах человека.

В первой части данной статьи я вкратце упомяну различные элементы и факторы, относящиеся к двойственному кризису, который ответственен за риск нашей потери двух величайших завоеваний, достигнутых с помощью конституционализма в XX веке: конституционной демократии на уровне внутренних порядков и мирового принципа и универсальной гарантии прав человека. Впоследствии, во втором разделе, я попытаюсь указать на некоторые исследования, которые возникли о конституциональной парадигме и которые, как я понимаю их, необходимы, хотя очевидно недостаточны для того, чтобы столкнуться лицом к лицу с современным кризисом.

2. Конституциональный демократический кризис во внутренних порядках

Во-первых, поэтому, я буду анализировать демократический кризис тем способом, каким он проявляет себя на уровне внутреннего порядка во многих западных странах; я представлю подробный и тщательный анализ итальянской ситуации и анализ других порядков, которые хотя и меньше по величине, но не менее коварны. Для этой цели я определю три основных аспекта и фактора этого кризиса, которые хотя являются взаимосвязанными, оказывают влияние, - следуя гипотезе предположенной здесь, - на три пространства, в которых выражается конституциональная демократия: политика представительной демократии, институциональное разделение властей и то, что в действительности соответствует пространству гаранта, являясь конституционным государством, управляемым законом.

Наиболее важным фактором кризиса есть персонализация или вертикализация политического представительства. На протяжении этих

последних лет, почти во всех передовых, развитых, демократических странах мы видели укрепление исполнительной власти с последующей потерей авторитета парламента. От Соединенных Штатов до Англии, от Испании до Италии, от Франции, России и до стран Латинской Америки, политическое представительство, благодаря распространению президентской модели или выборных систем, которые явно выступают в пользу большинства, существует возрастающая тенденция отождествлять себя с личностью главы государства и правительства. Следуя основополагающей концепции этой модели, политическая демократия должна состоять не только из представительства различных общественных интересов и их парламентской дискуссии, но также и действительно, предпочтительно, в выборах через выбор избирателей правительства большинства, которое поэтому будет воплощать максимальное выражение воли народа. Последствием, с одной стороны, было ослабление партий, с точки зрения территории и инструментов социального согласия, коллективное создание политических парадигм и мнений представительства интересов и различие даже конфликтующих предложений, с другой стороны, анти-представительное ухудшение политической демократии поскольку, как показал Ганс Келсен, монократический организм не может представить волю всего населения, даже большинства. Фактически «коллективная воля, которая устанавливается подобным образом», предупреждает Келсен, не существует; и ее идеологическое принятие служит только для того, чтобы замаскировать контраст действительных и радикальных интересов, которые проявляются в реальности политических партий и в реальности, которая является даже более важной, классового конфликта, который стоит за этими интересами.

Второй и наиболее серьезный фактор этого кризиса заключается в процессе прогрессивного беспорядка и концентрации власти, которые навязываются нашим демократиям. Я ссылаюсь в самой большей степени на разрушение классового принципа разделения общественной власти, которого, например, пытается достичь Италия, на постепенную потерю даже более важного разделения, которое формирует часть конституционализма современных государств, даже до потери демократии, разделения между общественными и частными сферами, то есть между экономическими и политическими властями. Процесс такого смещения властей и интересов начинается с помощью установления господства рынка над общественной сферой, за которым соответственно следует подчинение правительственных властей огромным частным силам и интересам и установление тесных союзов между силами политики и средствами массовой информации. Италия, несомненно, представляет собой крайний случай, где этот феномен достиг беспрецедентной степени, так как все эти власти сконцентрированы в руках одного человека: политическая власть правительства, власть средств массовой информации – гарантированный почти монопольной телевизионной информации и огромной системой экономических интересов и власти, которые

открыто сталкиваются с общественными интересами. Однако, это конфликты интересов и политической клиентуры, которая в прошлые времена была известна как четвертая власть, явление, которое в настоящий момент носит характер эпидемии во всех порядках все больше и больше, расширив отношение между деньгами, информацией и политикой; деньгами, которые создают информацию; информацией, которая создает деньги и политику, следуя порочному и развращающему кругу, который разрывается возрастающими анти или экстра представительными, обуславливающими действиями правительства. Это не только простое подчинение общественных интересов личным интересам, а скорее патологическое явление, которое коррумпирует сами формы политического представительства, такие, как представительство, свободное от принуждения, таким образом, уничтожающие элементарные представления демократии, которые являются свободой информации и плюрализмом источников информации, и сталкиваясь с отсутствием пределов и равноправия между властями, ведет к двум конвергентным типам абсолютизма: абсолютизму большинства и рынка, всемогуществу политической власти в большинстве, и отсутствию правил и контроля над экономическими властями.

Следствие всего вышеупомянутого – это третий фактор в демократическом конституциональном кризисе: кризиса законности, как обычного и конституционального, и вместе с этим, парадигма государства управляемого законом как система пределов и ограничений, установленных политической властью большинства и рыночной экономикой. Абсолютистская вертикализация, концентрация, смешение и склонность общественной и частной властей являются фактически равными новой и более современной версией правительства людей вместо правительства закона как результат обращения к войне (в нарушение Устава Объединенных Наций (ООН)), использованию пыток, законов, применяемых в экстренных случаях (таких как Американский Патриотический акт), вредных для самых основных гарантий судебного свода, и, с другой стороны, прогрессивная эрозия общественной сферы как совокупности функций и институтов, подчиненных правилу и контролю, с целью гарантии прав каждого. Следовательно, ослабляются не только институциональные гарантии фундаментальных прав и особенно социальных прав, но этот фактор также непосредственно направлен на прогрессивную приватизацию общественной сферы и ее соответствующих функций: в сфере образования, социальных услуг, здравоохранения и также в сферах традиционно резервных для компетенции государства, даже в либеральной модели, таких как гражданская юрисдикция, осуществление заключений в тюрьму, функции общественного порядка и даже военной обороны, которая может быть передана частным коммерческим силам. Следовательно, вся структура конституционного государства как инструмента, который гарантирует фундаментальные права взрывать на кусочки, и они деградируют до патримониальных, коммерческих и договорных прав, являясь

явным противоречием их универсальному характеру и конституциональному рангу, который напротив должен поддерживаться и устанавливаться за пределами рынка и логики получения привилегий в пользу живых идентичных гарантий, которые приносят пользу каждому с помощью работы общественной сферы.

3. Демократия и государство, управляемое законом в кризисе национального государства. Отсутствие международной общественной сферы

Аналогичным образом было создано другое изменение в политических системах, которое влияет на конституциональную парадигму на уровне внутренних порядков, таких как изменение международного порядка. Я ссылаюсь на деформацию традиционных направлений демократической политики государства, управляемого законом, который начинается с кризиса независимого национального государства и его расположения за пределами национальных границ, возникающих из процессов глобализации, из растущих участков власти как общественной, так и частной. В век глобализации будущее каждой страны зависит все меньше от внутренней политики и все больше зависит от внешних решений, принятых на внешнегосударственных политических форумах или глобальными экономическими силами. Это может быть применимо ко всем странам, с возможным исключением Соединенных Штатов, и прежде всего, к обедневшим странам, которые подчинены модели, которая была уже в кризисе национального государства, которая была экспортирована Западом в течение прошлого столетия, одновременно с иллюзией того, что этого будет достаточно для гарантии самоопределения и независимости, и чье будущее, наоборот, будет все больше зависеть от решений, принимаемых в центре мира; то есть политикой демократически решаемой богатым и комфортабельным большинством ряда ограниченных западных держав, которые контролируют международные институты – Всемирный Банк, Валютный Фонд, Всемирная торговая организация, большая восьмерка и тот же самый Совет безопасности ООН – так же, как крупные мультинациональные предприятия.

Вкратце, произошел скачок в связях между демократией и людьми, между властями, которые принимают решения, и государством, управляемым законом, что традиционно обнаруживалось в представительстве и превосходстве закона над политикой, продуктом которой является сам закон. В мире неравенств суверенитетов и более возрастающих взаимозависимостях является не верно то, что уместные решения соответствуют прямым или косвенным демократическим силам; что демократические процедуры гарантируют согласие между правителями и представителями; что, в дополнение, выбором президента или парламента великой державы ее народы должны оказаться индифферентными к будущему других народов. В таком случае нам следует спросить себя, перед лицом такого парадигматического изменения в общественной и политической сфере, в каком смысле и при каких

условиях еще возможно говорить о демократии? Соотношение государства и демократии – это необходимая связь, но до какой степени ухудшение взаимоотношений представительства между правителями и управляемым посредником такого национального государства, несет ухудшение демократии самой по себе, или, с другой стороны, возможно начать процесс переустройства демократических форм с целью поднятия их до высот, которые Дюрген Хабермас называл глобальной внутренней политикой? Суммируя, находимся ли мы в состоянии, если мы не хотим сдать в архив саму концепцию демократии, создать проект демократии, который будет выходить за рамки границ государства?

Идентичная проблема возникает по отношению к государству, управляемому законом. Как только оформляется государственная монополия на создание закона, благодаря в большей степени тому факту, что нормы контроля в различных национальных порядках имеют внегосударственное происхождение (европейское или международное), можем ли мы продолжать говорить, как в прошлом, о генетической связи между государством и положительным законом или, по крайней мере, между государством и государством, управляемым законом, до той крайней степени, при которой разрушение национальных государств было бы равным неизбежному разрушению государства, управляемого законом и принципом законности? Или, напротив, возможно ли предвидеть размах по отношению к политике и международному закону, от парадигмы конституционного положения закона, с помощью которого оно будет подчинено закону, преодолевая схемы старого государства, к новым субъектам – Мировая Торговая организация, Валютный Фонд, Мировой Банк и плотной транснациональной сети экономической власти, которая сегодня действует на международной арене без демократического закона или конституционных связей. Наконец, какой тип будущего прогнозирует политическая демократия и состояние закона, так как его данные находятся в состоянии кризиса, то есть государство как суверенный порядок и государственный закон как выражение народной воли, которой подчинены все силы?

Дилемма, вызванная теорией демократии и государством, управляемым законом, является, по мнению многих, радикальной. В сфере международных отношений основным результатом кризиса древних национальных государств была фактически пустота в общественном законе, то есть отсутствие правил, пределов и границ, для того, чтобы гарантировать мир и права человека по отношению к новым транснациональным силам, общественным и частным, которые низвергли древние государственные силы или извлекли их силы для управления и контроля. Следовательно, это привело к неоабсолютистской регрессии великих держав, таких великих экономических глобальных держав, которая проявилась в общем беззаконии под защитой самого сильного закона: с одной стороны, ослаблением ООН как гаранта мира, которое сопровождалось возобновленным обращением к войне, войне, которая не была определена

случайно как бесконечная, в то же время являясь инструментом для того, чтобы управлять миром и решать международные проблемы и противоречия, напротив, в отсутствие правил, открыто заявленных настоящим глобальным капитализмом, который является разновидностью основной нормы нового международного экономического порядка. Так же сама глобализация экономики может быть определена, с юридической точки зрения, с помощью такого отсутствия международного общественного закона, являющегося пригодным для того, чтобы доминировать над великими транснациональными экономическими державами; это не о: - будьте внимательны - отсутствие закона, который невозможен в любом случае, а скорее пустота общественного закона, неизбежно полностью поглощенного частным законом, т.е. правом договорного производства вместо законодательного производства, которое превращает его в безжалостное выражение закона сильнейшего.

Поэтому отсутствие международной общественной сферы, способной противостоять новым сверхгосударственным силам, понимаемой как общественная сфера, совокупность институтов и функций, предназначенных для защиты общественных интересов, таких как мир, безопасность и фундаментальные права – аутентичная колоссальная проблема, вызванная кризисом независимости государств, которая была драматически обнаружена в трагедиях, которые произошли за последние несколько лет, в войнах, во многих преступлениях против человечества, в увеличении неравенства и в экологических катастрофах. Кризис государств и поэтому роль, которую они должны играть в рамках национальных общественных сфер, не была компенсирована с помощью создания общественной сферы равной процессам глобализации, которые создаются. Устав ООН 1945 года, Универсальная Декларация 1948 года и международные пакты 1966 г., которые вместе создают вид эмбриона мировой конституции, обещающей мир, безопасность, гарантию фундаментальных свобод и социальных прав для всех обитателей планеты. Но то, что мы могли бы называть законами действия, т.е. гарантиями для провозглашенных прав; договора их соответствующих запрещений и обязательств, законности их нарушений и создание международных институтов, которые гарантируют их, заметны своим отсутствием. Как будто бы государственный порядок был только составлен его конституцией и несколькими основными институтами, которым не доставало власти. Международный порядок это не больше, чем порядок, обеспеченный только конституцией, и немного больше: которому не достает другими словами институтов гарантии. Суммируя, эта совокупность предпосылок, которая не может быть поддержана.

Самое известное следствие глобализации, при отсутствии мировой общественной сферы, было показательное возрастание неравенства, признак нового расизма, который принимает как должное нищету, голод, болезни и смерти миллионов недостойных человеческих существ. Это неравенство – как показано в статистике со ссылкой на все возрастающую разницу между

богатыми и бедными странами и на десятки миллионов смертей каждый год из-за отсутствия воды, пищи, необходимых лекарств - является беспрецедентным в истории. Человечество сегодня, как целое, несравненно богаче, чем в прошлом. Но оно также, если мы посмотрим на растущее количество людей, которые были искоренены, несравненно беднее. Люди, несомненно, с законной точки зрения являются более равными, чем в любую другую эпоху, благодаря многочисленным уставам, конституциям и декларациям о правах. Но они также, на практике, несравненно более не равны. «Эпоха прав», используя выражение Норберта Бобио, это также и эпоха, в которой их нарушение является самым широко распространенным, эпохой самых глубоких неравенств.

Ясно, что эта пустота в общественном законе – в глобальном обществе, которое является все более хрупким и взаимозависимым, не может быть способной сохраняться дальше, не вызывая будущего войны и жестокости, способной низвергнуть наши собственные демократии. Вот почему положить конец растущему разрыву, который существует в наших конституционных уставах, и обобщению их ежедневных нарушений, это не только законная обязанность, но также условие для нашей собственной безопасности и выживания наших демократий. Во вступлении к той же самой Декларации 48 г. эта связь между миром и правами, между нарушением человеческих прав и насилием установлена реально. Необходимо, чтобы великие державы поняли раз и навсегда, что мир - это не только глобальный рынок, но он также обладает глобальными и неделимыми характеристиками безопасности, мира, демократии и прав, и что мы не можем реально и достойно продолжать говорить о мире и безопасном будущем, если мы не уничтожим или, по крайней мере, не уменьшим угнетение, голод и бедность, от которых страдают миллионы человеческих существ. Это представляет категорическое отрицание обещаний, содержащихся в многочисленных конституционных и международных уставах.